

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
22—24 мая 2014

**ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС НЕ ВПУСТУЮ: ЧЕМУ МЫ НАУЧИЛИСЬ И ЧЕМУ
НЕ НАУЧИЛИСЬ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ?**

22 мая 2014 — 14:00—14:45, Павильон 5, Конференц-зал 5.3

Санкт-Петербург, Россия
2014

Модератор:

Стивен Сэдвик, Телеведущий, CNBC

Выступающие:

Алексей Кудрин, Декан факультета свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет

S. Sedgwick:

Ladies and gentlemen, thank you very much indeed for what looks like a stunningly well-attended session. We are going to keep this pretty lively. Mr. Kudrin has got some very forthright comments, of course, which I hope most of you are aware of, about how to run an economy. Mr. Kudrin, of course, is one of the longest-standing finance ministers in Russian history, an architect of fiscal discipline, which I am pleased to say has been spoken about in glowing terms over the last 24 hours. So that school of thought still appears to be in the ascendancy. I will be speaking in English, while Mr. Kudrin will be speaking in Russian, so there will be heavy usage of the translation devices. Let us get straight to it.

The title of this panel is 'Not Wasting a Crisis: What (Should) We Have Learned to Better Manage the Global Economy?' And what I think is very interesting is that 'should' is in inverted commas or parentheses. I am just wondering if we have learned the lessons we need to learn, and what I want to do is also get a parallel between the financial crisis and what many are calling an economic crisis at the moment. Others have been calling it just a slowdown. We are also going to get some input from Mr. Minnikhanov, who is the President of Tatarstan, and we are going to talk about the importance of regional development programs as well. But let me first of all start off by saying to Mr. Kudrin, thank you very much indeed for joining us. What did we learn from the global financial crisis, sir?

А. Кудрин:

Глобальный финансовый кризис случился в силу глобальных диспропорций, которые накопились в мировой экономике и разрешались в период кризиса. Одни страны больше потребляли, другие больше накапливали; возникли два полюса. Мы находимся в состоянии преодоления мирового дисбаланса, на одном полюсе которого, как я уже

сказал, находятся США, Великобритания, развитые страны, а на другом — страны, которые имеют профицит платежного баланса, кредитуют мировую экономику. Этот дисбаланс должен был сократиться, но сократился еще недостаточно. Попытка искать схемы, которые продлили бы для части стран жизнь с высоким потреблением и с низкими сбережениями, привела к искусственному стимулированию ипотечного сектора, который стал, в конце концов, детонатором финансового кризиса. Западные страны, наверное, сделали для себя серьезные выводы. Я вижу, что они, как ученики, строго исполняют урок, который им задали. Помню, на заседании Большой двадцатки все страны приняли решение, что с момента кризиса к 2014 году сократят дефициты примерно в два раза. Сегодня большинство стран справилось с этой задачей, но не все смогли сделать это окончательно. США пока находится на уровне очень большого дефицита. Я думаю, для США это неприемлемый дефицит при темпах роста около 2%. Пока это является глобальным риском, который может сказаться на всей мировой экономике. При этом сокращение дефицита в США поэтапно происходит, медленнее, чем хотелось бы, но это произойдет.

Что мы видим в Европе? Объем долга у большинства европейских стран в 2014 году наконец стабилизируется, а со следующего года у многих начнет сокращаться. Пока долг будет продолжать расти у Испании, у Греции, еще у ряда стран. Это создает зону риска внутри самой Европы. Корпоративный сектор тоже имеет большой долг. Это давит на инвестиции, тормозит их. Финансовые институты сегодня ощущают риски и инвестируют медленно. Это зоны слабого роста.

Я хотел бы сделать вывод. Задачи по сокращению дефицитов и стабилизации долга как были, так и остаются. Кто-то с ними справился, кто-то нет. Россия в целом не справилась с этой задачей: несмотря на то, что у нас был дефицит 5% в 2009 году, он не был сведен к нулю за счет структурных мер или роста доходов от не нефтяной экономики. Он был

закрыт за счет того, что цена на нефть опять выросла с 61 доллара США в 2009 году к 110 долларам США в последние годы. Дефицит опять закрылся нефтегазовыми доходами, а это искусственное преодоление дефицита. Как только мир снова спустится к меньшим ценам, мы вновь его увидим. Этим мы опять оттянули период структурных реформ в России.

Сегодня обсуждается задача России. Вывод из предыдущего кризиса такой: наши задачи несколько отличаются от задач мировой экономики. Мы должны были от экономики спроса, которая базировалась на высоких ценах на нефть, перейти к экономике предложения, иначе сказать — к экономике инвестиций, конкурентоспособности, где инвестиции в новое производство и в новые технологии дадут продукцию, которая потеснит серьезно захвативший нас импорт, и наша продукция получит новые ниши на мировом рынке. Нам нужно продвигаться, пробивать ниши там, где спрос пока не на нашей стороне.

Как мы выполняли эту задачу в последние годы? К сожалению, 2014 год окажется годом понижения инвестиций в России: в силу того, что мы оттягиваем ряд структурных реформ, и в силу нового возникшего риска, связанного с Украиной и с западными санкциями. Мы получим меньше инвестиций в целом по экономике в этом году. Мы уменьшили накопление пенсий примерно на 200 миллиардов — а это тоже являлось источником инвестиций, в том числе на рынке, в IPO, в акции. Мы повышаем заработные платы в бюджетном секторе — это уменьшает государственные инвестиции. Государственные инвестиции в субъектах Российской Федерации и на федеральном уровне сократились уже в первом квартале этого года. Я могу сказать, что у нас есть проблемы в пенсионной составляющей. Если мы не будем переходить к повышению пенсионного возраста, то нас ждет повышение налогов через три—пять лет. Может быть, через три, а не через пять. Эти накапливающиеся проблемы сдерживают рост, сдерживают реализацию модели, о которой я говорю. На мой взгляд,

проблемой является то, что мы не всегда еще умеем реализовывать эти выводы. Есть и новый фактор, который можно обсудить отдельно, — Украина.

S. Sedgwick:

Sure. Let us go on to the specific Russian points you have raised in a few moments' time. But I am very, very glad that whoever designed the title of this panel said 'should'. Because you mention the G20 there, sir, and it was full of hope at the April 2009 London G20 when the world came together to save the global financial system. And then I was in a wet and windy can a couple of years later where Sarkozy was still talking about those imbalances, and we were still talking about those imbalances in 2013 in St. Petersburg, and you are now, sir. I am amazed at your optimism, that you believe that those imbalances that should have been worked out at a trade surplus level – the finger is being pointed at Germany, the finger is being pointed at China – and you talk about the stabilization of debts. But you know better than anyone else, sir, the stabilization of those debts in Europe has happened in multiples: 120% of GDP, 150% of GDP. And I fear that we have gotten very complacent, with high levels of debt and high imbalances between deficit and surplus nations. We should be making more progress on those fronts, should we not, sir?

A. Кудрин:

Вы имеете в виду Европу?

Я все-таки начну с США. Мы видим интересный пример — наращивание экономического роста в США при сворачивании программы стимулирования и при сокращении дефицита, то есть сокращении государственных расходов. Когда был кризис, никто не мог поверить, что при сокращении государственных расходов и сокращении денежно-кредитного

стимулирования будет экономический рост. Он остается достаточно уверенным, в следующем году будет еще больше, чем в этом.

В Европе проблемы долга не разрешатся быстро. Экономический рост должен быть выше, чтобы все вздохнули более свободно. Безусловно, я обращаю внимание на решения и программы европейских стран. Они поставили перед собой цель — новый этап индустриализации и новый этап повышения конкурентоспособности своих стран. Когда я говорю про индустриализацию, я не имею в виду попытку вернуться к старой тяжелой промышленности — к грязным цехам, с большим количеством рабочих в робах. Мы зачастую представляем тот образ промышленности, который сложился 10 или 20 лет назад. Сейчас актуально новое поколение переработки, той индустрии, которая будет базироваться на совершенно новых технологиях, на порядок более высокой производительности труда.

Посещая предприятия Boeing, я всегда удивлялся, как можно самую распространенную новую модель Boeing выпускать с издержками в два раза ниже. Это стало возможным в силу новых программ проектирования, логистики, организации производства, снабжения, кооперации, аутсорсинга. Применив весь набор новых подходов, они добились снижения издержек и смогли снова стать конкурентоспособными. Это производство нового типа, мобилизующее все возможности, которые находятся за рамками, за забором производственного цеха. Такое производство будет пробивать себе дорогу. Как я понимаю, все предприятия: Mercedes-Benz, Siemens и другие, поставили себе задачу повышения конкурентоспособности в рамках более серьезных вызовов, более оптимальной современной системы от проектирования до потребителя. Наши партнеры на Западе сейчас реализуют такие программы. Это повысит их конкурентоспособность и в результате их привлекательность. У нас есть желание дать больше денег и продолжить выпускать, что мы выпускали раньше, или загрузить

незагруженные площади, которые соответствуют уровню производства прошлого или позапрошлого десятилетия, но это путь в никуда.

S. Sedgwick:

But it is very difficult to persuade Russian business, French business, and Japanese workers who are looking at the third era of urbanomics to have structural reforms which increase competition. I was sitting on the lawn at the OECD in Paris recently with the leader of the Japanese trade unions, who said that labor rationalization would fail with the third era of urbanomics, because it does not enfranchise workers. Then there is Thomas Piketty, who is making the rounds, and everyone is talking about inclusion. I fear that this increasing competition will decrease the inclusion of many people – many Russians, many people around Europe and elsewhere – within this tentative economic recovery that we have been seeing on a global basis. A lot of people are very resistant to the key structural reforms you just mentioned, sir.

А. Кудрин:

Да, интеграция, включение в мировую экономику создают риски. Безусловно, мы их понимаем, но надо их видеть и преодолевать. Современный тип экономики и производства связан с тем, что в одной стране, будь то Россия, Китай, даже только Европа, невозможно создать весь спектр технологий и все инновации в рамках одной зоны. Это процесс, который сегодня имеет глобальный характер. Инновации будут создаваться везде, и мир должен ими воспользоваться.

Вернусь к самым передовым производствам в области информационных технологий: смартфоны или авиация — каждый из этих продуктов представляет собой собранные в один продукт результаты производства разных стран и предприятий инновационного сектора. Опять посмотрим на Boeing. Самолеты Boeing являются продуктом производства десятков

стран, в том числе России. Российские ученые участвуют в разработке, проектировщики участвуют в проектировании, мы поставляем титановые запчасти, в том числе созданные по новым совместным технологиям. Кто-то собирает часть фюзеляжа, кто-то собирает крылья, результаты свозят в одно место. Большая часть производства размещена на аутсорсинге в Японии, в Италии, в России, а сборка происходит в США. Это пример того, что часть продукции необходимо производить там, где это делают лучше, тогда конечный продукт становится уникальным, более конкурентоспособным. Сегодня это и является результатом глобализации. Мы должны научиться пользоваться этим. Отгородиться и считать, что мы сделаем это лучше сами, без мировой кооперации, в настоящее время практически невозможно. Нам важно участвовать в ВТО, важно иметь понятные процедуры торговли и обмена комплектующими со всеми ведущими странами. Для этого нужен еще и стабильный рубль: он не должен все время менять экспортную или импортную эффективность поставок, а мы сейчас чувствуем такие изменения. В ходе последней девальвации усложнились позиции ряда производств, зависящих от импорта. Нам нужно полностью использовать возможности мировой экономики, свои особенности, у нас есть положительные стороны в образовании, в высоком уровне инженерного персонала, который, конечно, нужно обучать современным технологиям. У нас образованное население, которое может работать в современной экономике.

S. Sedgwick:

One of the points which is raised very often is one that I think you champion, which is the free market, and the fact that it is corporates that will do the spending, not the state. We can get on to state stimulus, which is a thorny issue, in a few moments' time, but the corporates are not spending money. They are still very, very nervous; they are hoarding cash; and when they are spending

money, they are giving it back to their shareholders in dividends and buybacks and what have you. The corporates are not spending money. This is a key part of us getting out of the financial crisis, and yet we still see, globally and in Russia, that corporates are more willing to give money back to shareholders than they are to spend money on jobs and innovation. Why is that still part of the remedy, but it is not being enacted?

А. Кудрин:

Я не вполне соглашусь с этим утверждением, потому что все равно объем инвестиций в мире растет, корпорации вкладывают основную часть своих прибылей и только часть раздают как дивиденды, но потом и эти дивиденды снова вкладывают. Не все используется на потребление, все-таки есть такой круг. Корпорации и частное инвестирование оказывают положительное воздействие, и в целом мировая экономика растет.

Роль корпораций в производстве новаций высока. Именно крупные корпорации в мире были пионерами инвестиций, то есть они позволяли себе инвестировать большие суммы в новые направления. Например, в современных технологиях или в медицинских технологиях цикл производства нового препарата больше 10 лет. Это значит, нужно видеть рынок на 10 лет вперед, нужно видеть новые возможности, которые будут конкурировать с другими корпорациями. Все-таки их роль очень высока: в их конкуренции мы каждый год получаем новые продукты, которые создают корпорации. Сегодня это дополняется работой малых инновационных предприятий. Даже если говорить об iPhone или о планшетном компьютере, это частично производство малых инновационных предприятий, разработки которых покупаются. Я видел инкубаторы, я видел тех, кто на производстве такого рода продуктов вырастает из малых компаний в крупные. В инвестировании в новый продукт я вижу роль и корпораций, и малого

инновационного сектора. Конкуренция только усиливается, я уверен, объективные инвестиции будут следовать за этой конкуренцией.

Российские корпорации инвестируют в инновации существенно меньшую часть своей прибыли, чем западные. Я говорю не просто об инвестициях, а именно об инвестициях в инновации. Наши корпорации инвестируют в три—четыре раза меньше, то есть не чувствуют пока в этом своего будущего, своего конкурентного преимущества. На одном из семинаров мы обсуждали, что государственная поддержка, административный ресурс являются сегодня более весомыми в конкурентной борьбе, чем конкуренция в рамках новых продуктов. Это нас беспокоит, и это нам пока преодолеть не удалось.

S. Sedgwick:

OK, we will have to agree to differ on part of that. If we have learned our lessons, then why are we in a situation now, when the President has previously said here that he wants a 6% growth rate, and that we are potentially looking at a recessionary environment in 2014? At best, many commentators and international observers are saying that maybe there has been 0.5% growth in 2014. If we had learned our lessons, we would not be seeing potentially zero growth in 2014. What is going wrong, sir?

А. Кудрин:

Я немного повторюсь. Я считаю, что мы не смогли перестроить нашу экономику на модель инвестиционной экономики, то есть экономики предложения. Я приводил пример, где Правительство действует не вполне последовательно в реализации этих шагов. Можно назвать ряд других примеров. Для сегодняшнего современного производства нужно качество инфраструктуры, а качество транспортной инфраструктуры должно быть на порядок выше, чем в России. У нас очень большие транспортные издержки,

это понижает конкурентоспособность российской продукции: ее становится невыгодно производить.

Я могу сказать и о других сферах, где мы теряем. У нас высокая и постоянно растущая стоимость рабочей силы, растет и конкуренция за рабочую силу, причины этого объективны. Ежегодно население трудоспособного возраста уменьшается на 200—300 тысяч человек, а в некоторые последние годы сокращалось на миллион. Количество работоспособного населения сжимается. Растет конкуренция за рабочую силу, причем за качественную рабочую силу, зарплата растет непропорционально производительности и квалификации. Это новая издержка, так называемая ловушка среднего дохода, которую мы обсуждаем.

Мы говорили о ряде других издержек, связанных с организацией производства, менеджментом и прочими дополнительными издержками. Есть коррупционный налог, есть административные барьеры... Чем интересны регионы, присутствующие здесь? Сегодня в редких регионах можно почти беспрепятственно или с минимальными затратами начать новый бизнес, новое производство, новые инвестиции. Обычно это тяжелейший бюрократический процесс, очень затратный, коррупционный. К сожалению, мы в России это не преодолели. Сейчас обсуждается, что в условиях санкций, желая выстоять в их рамках, может быть, мы преодолеем наши родовые проблемы и сумеем быстрее решать эти задачи, научимся производить продукцию лучше, чем это было до санкций. Но для этого нам нужно пройти путь улучшения инвестиционного климата, среды, создания институтов, как это сделано в некоторых регионах.

В нашем докладе на Всемирном экономическом форуме, который был опубликован в этом году и который мы неоднократно обсуждали, говорится, что в ряде регионов такие задачи решаются быстрее, чем в других. В некоторых регионах инвестиции растут на фоне снижения инвестиций в

России, есть экономический рост. Авторы доклада тоже здесь присутствуют. Один из выводов этого доклада: рост может начаться с таких регионов. Значит, нужно опереться на лидерство губернаторов, которые поставили перед собой такие цели, опереться на институты, которые они стали создавать. Имея те же ресурсы, что и другие регионы, они целенаправленно смогли осуществить снижение административных барьеров и коррупции, создать особые зоны промышленности и предпринимательства с соответствующей инфраструктурой. Оказывается, можно идти против базовой тенденции, которая складывается в России в целом.

Для меня как участника этой дискуссии и этого доклада было важно, что фактор лидерства и создание институтов становятся весомее, чем фактор изначальных благоприятных условий — промышленных, территориальных, природных. Присутствующие здесь губернаторы это продемонстрировали: они показали, что можно переломить тенденцию.

S. Sedgwick:

OK. You have made it very clear to me in at least two answers that it is about structural reforms; it is about following a roadmap that is followed in some of the regions as well, but that takes a long, long time. In the meantime, and I know I am prodding the target here, but surely we need government stimulus. We have funds. Some people have called these rainy day funds, dead money sitting there, the best part of USD 200 billion, to stimulate the Russian economy at a time when it is potentially flat-lining. We need to unleash some of that money, do we not, sir?

A. Кудрин:

Я понимаю, о чем вы говорите. Есть Резервный фонд Правительства, есть Фонд национального благосостояния. Мне кажется, Правительство приняло

рациональное решение инвестировать до 40%, может быть, до 50% Фонда национального благосостояния. В масштабах России около 13 триллионов рублей в год инвестируется в основные фонды. Значительная часть инвестируется в добывающую промышленность, около 25% в переработку, в транспорт, связь, в торговлю, услуги, финансы — все отрасли участвуют в этом проекте инвестиций. В этих инвестициях Фонд национального благосостояния может дать дополнительно 200—300 миллиардов рублей к 12—13 триллионам ежегодных инвестиций, которые дают частный сектор и бюджеты. В среднем все бюджеты дают около 20% инвестиций, а 80% — частный сектор и корпорации. Этим инвестициям можно способствовать, можно их подталкивать, но погоду делают частные инвестиции. Предприятия инвестируют из прибыли, предприятия заимствуют на рынках, предприятия берут кредиты — это основной объем инвестиций.

Откуда идут основные инвестиции, кто конечный инвестор в экономике? Это население, это сбережения населения в банках — 30%, может быть, чуть больше. Еще около 30—40% — предприятия, которые держат свои остатки на счетах, и они идут через финансовую систему.

S. Sedgwick:

Let me be very clear here. You are the architect. It was your brainchild I keep reading – the fiscal prudence which has negated the worst problems of the financial crisis and is negating the worst issues now. Do you believe now that some of these national wealth funds can be used? There has been talk about not using them. We understand that the Kremlin supports that view as well, but you think that perhaps we could use at least some of this money to support private investment?

A. Кудрин:

Они уже используются, часть средств Фонда национального благосостояния идет на инфраструктурные проекты. Это должны быть окупаемые проекты, средства в эти сектора идут как кредитные ресурсы. Это позволяет снизить издержки проекта, возложить часть ответственности на государство, взять больше гарантий. Это рационально, это нормально, но не делает погоду, не решает судьбу инвестиций в стране. К этому можно дополнить гарантии, которые выдает государство. Сейчас создается Агентство по государственным гарантиям — это тоже рациональный элемент. Но, повторяю, это не решает судьбу всего инвестиционного климата в стране.

Если в ближайшие годы будут повышаться налоги, потому что мы перегрузили бюджет, или будут зашкаливать пенсионные обязательства, это уменьшит роль государственных стимулов. Если в рамках государственных ресурсов мы перераспределили средства в социальную поддержку и уменьшили инвестиции в инфраструктуру (сегодня я вижу, в инфраструктуру финансируется в три раза меньше, чем необходимо), это не будет компенсировано из Фонда национального благосостояния. Есть более глобальные структурные решения, которые могут подтолкнуть экономический рост, создать для него условия.

Кредитные ставки на рынке и доступ к финансам являются ключевой проблемой, проблемой номер один. Эти ставки не могут быть ниже инфляции, иначе кредиты станут убыточными для банков. Основную базу инвестиций мы создаем только снижением инфляции и увеличением стимулов к сбережению всех участников рынка, населения в первую очередь. Например, инвестиционный объем прироста пассивов банков в год превышает триллионы рублей. Масштаб в разы превышает тот, что может дать Фонд национального благосостояния, 200— 300 миллиардов рублей в год. Вот где лежат ключевые решения, и от них не уйти, их не забыть, их не оставить в стороне. Только за счет государственных вливаний проблему инвестиций и экономического роста в нашей стране не решить.

S. Sedgwick:

Are we in a moment of crisis now? I was again reading the comments made by Mr. Mandelson (who is here in St. Petersburg) in the *Financial Times*. He was looking at what has been called, by the West at least, a ‘muscular’ foreign policy at the expense of economic policy. Is that a lesson that Russia has not learnt that actually there are ramifications economically from foreign policy initiatives?

A. Кудрин:

Вы имеете в виду военно-политическую позицию России?

S. Sedgwick:

I have not got a comment on Russia’s foreign policy, I was just looking at what commentators such as Mr. Mandelson and others were saying – there is certainly the view in the West that there are economic issues which actually would not be a problem now for Russia if events in Ukraine had not taken the course they have.

A. Кудрин:

Конечно, данные события по факту уже влияют на снижение темпов экономического роста. Я дал прогноз, что в этом году темп роста будет меньше примерно на 1% за счет влияния факторов санкций и снижения доверия к российской экономике. Даже если санкции останутся на нынешнем уровне, где нужно определить формальные санкции, объявленные и необъявленные санкции, которые реально существуют в виде снижения кредитования или лимитов инвестирования в Россию, ограничения передачи определенных технологий, передачи определенных услуг, открытия новых проектов в России, приостановки целого ряда проектов, — суммарно все эти факторы, на мой взгляд, повлияют на

снижение темпов роста минимум на 1%, может, чуть больше. Это существенная величина для России.

В этом смысле шаги, которые Россия осуществляет в особой зоне, в которой у нее большие интересы, в сфере Украины, уменьшают возможности экономического роста как минимум на ближайшие два—три года, если санкции останутся на нынешнем уровне. Иногда приходится выбирать между политическими и экономическими решениями. В данном случае, как я понимаю, население России поддерживает шаги, которые осуществляет государство, Президент, но мы должны констатировать, что это отрицательно сказывается на темпах экономического роста. Если такое напряжение будет продолжаться в течение двух—трех лет, то пауза в отношениях, в инвестировании, в обмене технологиями даст еще больший отрицательный эффект. Мы начнем отставать в освоении целого ряда технологий, что в последующем даст свой отрицательный эффект. Я надеюсь, что будут приняты политические решения, которые снизят это недоверие, это напряжение. Многие представители бизнеса, которые присутствуют в этом зале, хотят вернуться к обычной, нормальной ситуации, когда можно инвестировать и быть уверенным в будущих прибылях и в том, что правила игры не изменятся.

Сегодня самое сильное пожелание моих контактов, в том числе здесь, на Форуме, формулируется так: нужно понять, изменятся ли правила игры, отойдет ли Россия от модели рыночной экономики, достаточно открытой, свободно обеспечивающей торговлю в рамках правил, в том числе правил ВТО, инвестиций, в рамках свободно конвертируемого валютного курса и движения капитала, не будет ли ограничено из каких-то ложных опасений сотрудничество ключевых институтов и предприятий в ведущих отраслях. Все ждут ответа на этот вопрос. Я думаю, что нам нужно это определить на Форуме. Если будет дан прямой сигнал, что мы, несмотря на все сложности в наших отношениях, связанные с конкретной ситуацией, собираемся

сохранить эту модель экономики — где-то переждать, где-то потом восстановить нынешний режим — то это сегодня дало бы бизнесу дополнительную уверенность к продолжению начатых проектов.

S. Sedgwick:

What do you think about this? Let us go back to where we started. You mentioned the G20 and I mentioned 2009, which many people believe was the high point of the G movement. G20, with the trillion dollars of stimulus there. Looking at that, and bearing in mind what you just said about whether Russia will be in that system, with freely convertible currency, etc., is the lesson that when Russia is part of that global system, works within the WTO, gets its membership from the OECD (which has been put back now as well), and is in the G8 as well, then it is actually in its best interest to avoid another financial crisis for Russia and everyone else?

А. Кудрин:

Я думаю, что Россия как минимум останется во всех ключевых институтах, в которых решаются экономические проблемы, — в Большой двадцатке, в МВФ, во Всемирном банке, в ВТО. Мы сотрудничаем и имеем цель вступить в OECD — Организацию экономического сотрудничества и развития. Очень много экономических форматов, как глобальных, так и региональных; я думаю, нет никаких сомнений, что Россия будет продолжать работу в этих форматах.

Одна проблема возникла с Большой восьмеркой, но я слышал заявления лидеров других стран, что это приостановка сотрудничества. Сегодня все больше склоняются к тому, что необходима дискуссия, разговор. Появляются новые форматы — Женевские соглашения, где все участники садятся за стол переговоров. Я думаю, будут и другие, которые снизят недоверие. Насколько я это понимаю, не будучи представителем

Правительства, Россия ищет элементы стабилизации ситуации, в том числе в зоне Украины, и последние шаги являются свидетельством этому.

S. Sedgwick:

One more for me before I open it up. So have a little think about what you want to say, if you have any questions for Mr. Kudrin. You mentioned earlier about what sanctions could do to galvanize a reform process in Russia. In moments of crisis, historically, there is great innovation and great intervention as well. Do you think, rather than a longer-term negative, that current geopolitical events could actually act as a galvanizing force for improving productivity, improving reform, and improving various structures in both the private and indeed the public sector?

A. Кудрин:

Еще раз повторюсь, многие считают, что санкции подвигнут нас к прорыву в ряде отраслей. Я сейчас сыронизирую. По-видимому, нам надо было наложить санкции на себя раньше, чтобы осуществить такой прорыв. Это было бы не совсем верно. Все-таки мы получаем от мира более дешевые финансовые ресурсы, технологии, которые не создали сами, и это быстрее развивает в целом экономику. Нельзя осуществить прорыв за счет одной или двух отраслей в мире, сегодня это комплексный процесс.

Тем не менее, сегодня наша модель нефтяной экономики, нефтяной зависимости подталкивает нас к тому, чтобы быстрее развивать ряд технологических отраслей, не связанных с нефтью и газом. Я бы поставил это на первое место. Второе. Санкции, конечно, тоже подталкивают. В отдельных отраслях, в отдельных локальных зонах мы сумеем создать и компенсировать недостаток нашего сотрудничества по технологиям двойного назначения, по особым технологиям, которые попадают в списки ограничений. Да, здесь, я думаю, Россия может продвинуться. Повторяю, в целом это не перекроет общих потерь от нашего сотрудничества в рамках

мировой интеграции. Если мы будем отходить от мировой интеграции, то мы потеряем больше, чем создадим в определенных зонах.

Может, не самый лучший пример — Советский Союз, где мы имели значительное число технологий в разных отраслях. Тем не менее они не стали самыми передовыми и не вывели страну в пионеры или в конкурентоспособные зоны в мире. Так что повторять тот опыт не стоит. Всегда нужно использовать появившийся повод, чтобы сосредоточиться на отдельных технологиях и их продвинуть.

У меня есть товарищ, крупный предприниматель (я не буду называть его фамилию), который лет десять назад поставил задачу производить в России электронные компоненты самого высокого уровня, и он сконцентрировал на этом свои инвестиции. В силу ряда обстоятельств это оказалось менее выгодным, чем закупать импортные аналоги для многих отраслей. Вопрос не только в неумении это сделать: это экономическая задача, это должно стать выгодным в постоянном режиме и должно потребляться российскими предприятиями или вывозиться на экспорт. Оказалось, что выгоды для такого производства здесь меньше, чем в других зонах мира, в которых это осуществляется. Значит, нам нужно создать эти условия. Не просто сказать, что мы это сделаем, потому что нам дают эту технологию — нет, нам нужно создать соответствующие условия.

Мы опять возвращаемся к состоянию инфраструктуры, состоянию финансовой среды, к доступу к дешевым долгосрочным ресурсам, которые нужны при таких разработках, к административным барьерам, к коррупции, к законодательству в инновационной сфере... У нас еще очень слабое законодательство по защите интеллектуальной собственности и так далее. Оказывается, нужно опять вернуться к тем же условиям, которые нужны для менее технологичных или других технологических продуктов. Вот почему нам нужно заниматься институциональными и структурными реформами,

независимо от того, что, может быть, нам нужно создать сегодня в России аналог какого-то продукта.

S. Sedgwick:

Marvellous. I wonder now if we could invite Rustam Minnikhanov – the President of the Republic of Tatarstan – to speak, if he is in the room? He is. Good. I believe you had a point you wanted to raise with Mr. Kudrin, sir?

A. Кудрин:

Может, господин Минниханов скажет, как ему удастся идти против общей тенденции в России и добиваться внедрения новых технологий?

P. Минниханов:

Против течения плыть не будем, будем плыть по течению. Я думаю, что мои коллеги здесь — Калуга, Ульяновск. У нас есть ассоциация инновационных регионов, завтра мы будем проводить собрание. Мы на федеральном уровне доносим идеи, что нужно сделать федеральному правительству. Эти идеи формулирует наш бизнес на местах. Один регион без федеральной поддержки многого не решит. Задача, которая стоит перед нами, — вносить на федеральный уровень определенный опыт, определенные подходы, которые мы обобщаем в процессе общения.

Конечно, нужно найти точки роста. Сегодня мы говорим об уровне экономического роста, он нас очень беспокоит. Нам нужно понимать, куда, на какие рынки мы должны идти со своей продукцией, какие инвесторы к нам придут, какие технологии мы можем привезти на наши территории. Каждый из нас этим занимается, но я думаю, что без серьезной инфраструктурной поддержки больших успехов мы добиться не сможем.

В принципе, федеральное Правительство делает правильные вещи: оно одобрило кластеры, 13 или 14 кластеров. К сожалению, дальше без

развития инфраструктуры мы не пошли. Я могу привести в пример наш Камский инновационный территориально-производственный кластер. Господин Кудрин знает, в рамках «Программы-2030» для Республики Татарстан мы определили приоритеты и просчитываем, на что надо обратить внимание. Твои ощущения — это твои ощущения; специалисты дают прогнозы, которые ты должен учитывать. Камский кластер без серьезного инфраструктурного развития сегодня произвел промышленную продукцию на 700 миллиардов рублей. Наша задача на 2020 год — два триллиона. Это реально, есть проекты. Проект Особой экономической зоны «Алабуга», где уже 42 резидента, Нижнекамская площадка, где два нефтеперерабатывающих завода, «Нижнекамскнефтехим», «КамАЗ», фонд «СОЛЛЕРС». Эти проекты дадут увеличение до двух триллионов.

Вопрос с сегодняшней транспортной, энергетической инфраструктурой не решается, и регион его решить не может. То же самое в Калуге, то же самое в Ульяновске. Есть вещи, которые мы должны решать, например, подготовка специалистов. Мы для себя определили 25 ресурсных центров. В этом году мы уже сделаем на высоком уровне вместе с нашими товаропроизводителями пять ресурсных центров. Конечно, мы одни не сможем решить более серьезные задачи — железную дорогу, трубу, энергетику.

Все равно надо учиться, ездить, привлекать инвесторов. К сожалению, события отражаются не положительно. Европа от нас немного отвернулась, значит, надо ехать в Азию, там нас пока хорошо воспринимают. Мы будем продвигаться дальше — туда, где нас ждут, где с нами общаются. Скажем, у нас очень хорошо идут турецкие проекты. Четыре завода в особой зоне в этом году запускают турки на 1,5 триллиона рублей, мы работаем с ними очень хорошо. Я надеюсь, что наша поездка в Китай даст позитивные сдвиги. Надеюсь, что и Европа будет говорить одно, а делать... Все-таки бизнес есть бизнес. Они должны думать, что поезд уйдет, у них тоже нет

рынков. Я думаю, они будут делать немного не так, как говорят. Вот примерно это и будем делать.

S. Sedgwick:

Thank you very much, sir.

There is an intriguing prospect which I have not yet mentioned, which obviously comes from the back of what all you were saying, sir, and this USD 400 billion Gazprom deal, and the RDIF telling me today how excited they are about various projects to the side of that: is Russia turning to Asia? Is it a pivot? Is it one or the other? Has Europe – the West – turned its back on Russia, meaning that Russia has to look to Asia?

A. Кудрин:

Вообще-то я не считаю, что Европа отворачивается от России, даже несмотря на отдельные точечные санкции. Основной объем торговли существует с Европой: больше 300 миллиардов долларов США только импорта, большая часть экспорта тоже идет в Европу. Мы не предполагаем существенно ограничивать этот оборот в ближайшие годы, он имеет свою инерцию, и он сохранится. Другое дело, что России правильно повернуться и на Восток, сбалансировать свои рынки, экспорт и импорт с Востоком. Это соответствует роли Азии в современном мире и быстрорастущей экономики Азии. Россия, может быть, до сих пор недостаточно уделяла этому внимания. США с Китаем торгуют больше, чем Россия с Китаем. Китайские товары, поставляемые на Запад, являются основным экспортом, который кормит Китай. Там уже наращено сотрудничество, которого мы только собираемся достигнуть. Для России нормально сбалансировать это. Это не значит, что мы когда-то полностью уйдем от Европы или Запада. Это невозможно в силу ряда обстоятельств — доступа к инвестициям, к технологиям, к образованию, к науке, к другим услугам, которые в

определенной степени не могут быть перекрыты на Востоке. Я вижу переход к более сбалансированной внешней политике и внешней торговле России. Повторяю, скорее всего, даже за ближайшие 15—20 лет наша торговля с Азией только приблизится к балансу в соотношении с Западом, и это будет правильный, нормальный баланс. Поэтому не нужно говорить, что мы отвернулись от одного к другому. Сотрудничество будет и с теми, и с теми. В этом, между прочим, преимущество России.

S. Sedgwick:

Got it – no pivot then. Do we have Sergey Morozov in the room? He is the Governor of Ulyanovsk Region. If he is here, I will take a question; if not, we will move on. Does anybody else have a question? Mr. Morozov, please ask your question.

С. Морозов:

Огромное спасибо.

Алексей Леонидович, хочу искренне поблагодарить за ряд важных пояснений сегодняшней ситуации. У нас не самый богатый регион, Вы это хорошо знаете, хотя достаточно успешно развиваемся в последние годы. У нас рядом есть замечательный пример: буквально «через дорогу» от нас расположен Татарстан. Мы благодарны и замечательному учителю Артамонову с его регионом. Хотелось бы, Алексей Леонидович, услышать, некие ноу-хау, которые Вы могли бы нам предложить. Что нам нужно сделать в течение вынужденного простоя, о котором вы говорили? Что я могу сделать у себя, чтобы обеспечить в регионе стабильность и исполнение указов Президента?

А. Кудрин:

Вы сразу упомянули стабильность и выполнение указов Президента. В нынешнем положении происходит снижение государственных инвестиций или инвестиций субъектов Российской Федерации в инфраструктуру. Я знаю итоги первого квартала этого года: уменьшились по всем субъектам. Скорее, это идет против экономического роста. Значит, я видел бы задачу оптимизировать то, что связано с ростом социальных расходов, то есть осуществлять повышение зарплат только там, где достигается повышение производительности труда, большее качество и эффективность. К сожалению, изначально в указы это не было внесено как главный критерий повышения зарплаты, и получилось всеобщее повышение. Повысив в три раза зарплату и денежное довольствие военным, государство взяло курс на повышение зарплат бюджетникам, но в государственном секторе не произошло изменения качества и эффективности. Мы стали даже более затратными и менее эффективными. Это создало конкуренцию по стоимости рабочей силы для частного сектора. В этом смысле я вижу даже негативное влияние. Сегодня нам нужно увязать повышение зарплат с повышением эффективности; может быть, это не будет фронтальное повышение, и оно даст больший результат и не уменьшит наши возможности в рамках бюджетов по финансированию инфраструктуры. Нужно работать над этим. На президиуме Экономического совета я говорил прямо о том же, что и сейчас. Насколько я знаю, задачи по повышению эффективности в бюджетной сфере сейчас ставятся.

Следующий элемент, отмеченный мною в исследовании, которое делал Всемирный экономический форум. В вашем регионе бизнес говорит о том, что административные барьеры и коррупция его беспокоят существенно меньше, чем в других регионах. Вы этот путь прошли, но другим регионам он еще предстоит. В одной из статей губернатора Артамонова, который тоже является лидером и объектом нашего изучения, мне понравилось, что многие нормативы, которые даются регионам в рамках законодательства,

для применения в регионах нужно сделать более гибкими. Приводился пример в землепользовании. Нельзя все регионы в России, от Юга до Севера, от Востока до Запада, с разными природными условиями, территориальными возможностями, возможностями инфраструктуры подогнать под одну рамку, здесь нужно больше свободы. Я бы видел сегодня задачу в большей передаче полномочий, в том числе и передаче финансов. Не только полномочий, которые связаны непосредственно с затратами, но и тех, которые развяжут руки в решении задач и улучшат инвестиционный климат. Меня зачастую упрекают в том, что в период, когда я был министром финансов, у нас произошла централизация налогов в силу выполнявшихся задач. Это было связано с военными задачами, социальными, институциональными проектами. Моя позиция всегда была — передать больше доходов субъектам, чтобы они исполняли национальные проекты в рамках своих доходов. Получилось, что федеральный центр замкнул на себя ресурсы и стал раздавать их на национальные проекты. Это не была моя позиция, это была позиция других министерств, которую в результате приняли. Я вижу необходимость передать большее финансирование субъектам, и это создаст необходимую гибкость: кому-то создавать одни виды инфраструктуры, кому-то другие, кому-то улучшить образование. Здесь у губернаторов должно быть больше свободы. В этом смысле я поддерживаю то, что прочитал в исследовании, которое мы проводили у Артамонова.

Наверное, есть еще шаги, которые могли бы улучшить состояние регионов и их возможности экономического роста, но важно передать им больше полномочий и сократить ограничения, которые осуществляются из центра.

S. Sedgwick:

I think we are at an end. We have only got about 10 minutes left. But let me just summarize: there is a need for infrastructure at a federal level to help the

regions. In terms of the private sector, the government must create the right conditions. Reform corruption, reduce it. Bureaucracy: decrease it. Intellectual property: protect it. The state has a role to play in creating conditions. Recognize the importance of Asia, but do not pivot to the East. Pension reform. Salary restraint. Efficiency is needed. Pick the industries where you are going to have salary increases, because these are the ones where you need to be the most competitive and have, obviously, the most growth prospects. Pick your winners. Flexibility, delegation, and my favorite, most intriguing idea, sanctions on ourselves to galvanize reform potentially. But we will leave that last one hanging there. Mr. Kudrin, thank you very much indeed for your time today, sir.